

**Семантика суффикса *-əl-* в горномарийском
языке: между единичностью и
множественностью**

***The semantics of the suffix -əl- in Hill Mari:
Between singular and plural***

Дьячков В.В.

Dyachkov V.V.

В статье рассматривается семантика суффикса итератива *-əl-* в горномарийском языке (< финно-угорские), описывается его дистрибуция и свойства его когнатов в близкородственных языках. Для суффикса предлагается модель описания, основанная на исследованиях по формальной семантике. С привлечением этой модели высказывается гипотеза о связи суффикса итератива с омонимичным ему суффиксом семельфактива *-əl-*.

Ключевые слова: глагольный аспект, множественность, финно-угорские языки, горномарийский язык, формальная семантика

This article deals with the semantics of the iterative suffix *-əl-* in the Hill Mari language and describes its distribution and the properties of its cognates in closely related languages. A descriptive model based on formal semantic investigations is proposed for the suffix. Using this model, I suggest that the iterative *-əl-* and the homonymous semelfactive suffix are related.

Key words: verbal aspect, pluractionality, Finno-Ugric, Hill Mari, formal semantics

0. Введение

В горномарийском языке суффикс *-əl-* (ниже обозначаемый как ITER ‘итератив’) интересен тем, что может обозначать как единичное событие, так и множественное (см. [Саваткова 2002: 211–213]):

- (1) *mükš mən'-əm pəšk-əl-ən*
 пчела я-ACC жалить-SEM-PRET
 ‘Пчела меня ужалила’.
- (2) *kot'i kačkəš jəg sārŋ-əl-eš*
 кот еда вокруг крутиться-ITER-NPST.3SG
 ‘Кот вокруг еды (постоянно) крутится’.

В известных нам работах нет единой точки зрения на то, имеют ли суффиксы однократности и многократности единое происхождение: так, в [Галкин 1966: 90–92] утверждается, что им соответствуют два разных когната в прауральском, в то время как в работе [Лыткин и др. 1976: 367–368] приводятся возражения против этого взгляда. Отсутствие на данный момент удовлетворительного решения, вызывающее к жизни диаметрально противоположные точки зрения, не исключает привлечение семантических аргументов.

В данной работе мы не претендуем на окончательное решение вопроса, однако приведем некоторые факты, которые, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Безусловно, окончательное решение проблемы должно быть разработано с учетом данных сравнительно-исторического языкознания. Наша аргументация базируется на данных типологии и формальной семантики, а также на наблюдениях за другими суффиксами глагольной множественности в горномарийском и родственных ему языках.

В ходе нашего рассуждения мы привлечем некоторые теории, согласно которым глагольная множественность является не столько способом обозначить повторение события, сколько

средством выделить квантованные предикаты. Основываясь на наших собственных полевых исследованиях, мы также подробно опишем дистрибуцию суффикса и сформулируем ограничения на его сочетаемость с разными семантическими типами предикатов. В разделе 1 мы опишем употребления суффикса *-ǎl-* в исследовавшемся нами кузнецовском говоре горномарийского языка.¹ В разделе 2 мы сформулируем ограничения на сочетаемость показателя с разными типами глагольных основ, а в разделе 3 сопоставим результаты разделов 1 и 2 с данными родственных языков. В разделе 4 мы предложим анализ полученных данных в рамках современных теорий глагольной множественности.

1. Спектр значений суффикса *-ǎl-*

Как было указано выше, в современном горномарийском языке суффикс *-ǎl-* выражает значение как однократного, так и многократного действия (см. также [Саваткова 2002: 211–213]). Мы будем называть употребления первого типа *семельфактивными*, а употребления второго типа — *итеративными*. Семельфактивное значение характеризует суффикс *-ǎl-* у небольшого количества глаголов и поэтому продуктивным быть признано не может. В исследуемом говоре горномарийского языка зафиксированы следующие деривационные пары: *lämdäš* ‘дать имя’ — *lämdäläš* ‘обозвать’, *šǎpšaš* ‘тянуть’ — *šǎpšǎlaš* ‘потянуть’, *popaš* ‘говорить’ — *popǎlaš* ‘сболтнуть (лишнее)’, *pǎčkǎlaš* ‘резать’ — *pǎčkǎlaš* ‘отрезать, порезать’, *todaš* ‘складывать’ — *todǎlaš* ‘сложить один раз’ и (окказионально) некоторые другие. Следующие примеры иллюстрируют *семельфактивное* значение показателя:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а. В данной работе отражены данные говора Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Марий Эл, которые были собраны в ходе полевой работы автора статьи в 2017–2018 гг.

- (3) Vas'a gazetä-m tod-en
 B. газета-ACC ломать-ITER-PRET.3SG
 'Вася газету складывал много раз/ один раз'.
- (4) Vas'a gazetä-m tod-əl-ən
 B. газета-ACC ломать-ITER-PRET.3SG
 'Вася газету сложил (один раз/*много раз)'.
- (5) Vas'a tavak-əm šəpř-ən
 B. сигарета-ACC тянуть-PRET.3SG
 'Вася покурил сигарету'.
- (6) Vas'a tavakəm kelgä-n
 B. сигарета-ACC глубокий-GEN
 šəpř-əl-ən
 тянуть-ITER-PRET.3SG
 'Вася глубоко затянулся'.

Что касается итеративного употребления суффикса, то его, по-видимому, стоит признать основным для современного состояния языка. Вместе с тем, для адекватного описания семантики показателя необходимо выяснить, какими существенными параметрами характеризуется ситуация, описываемая предикатом, содержащим показатель множественности. Как известно, в типологической литературе выделяется большое количество семантических параметров, которые могут различать показатели множественности (см. в первую очередь ключевые в данной области работы [Cusic 1981], [ТИК 1989], [Шлуинский 2005], [Wood 2007]).

Наиболее важным из данных параметров представляется параметр «внешнесобытийности»/«внутрисобытийности». Внешнесобытийная (event-external) множественность подразумевает повторение сходных отдельных друг от друга событий. Внутрисобытийная (event-internal) множественность описывает единую ситуацию, которая состоит из одинаковых по своей внутренней структуре фаз. Вместе с тем, как отмечено в [Шлуинский 2005], «говоря о повторении ситуации, следует отметить, что разграничение единой мультипликативной

ситуации и — пусть даже внутрисобытийного — многократного повторения единичной ситуации весьма проблематично» [Шлуинский 2005: 77]. Это утверждение может быть проиллюстрировано следующим примером из русского языка — предложение (5), описывающее многократную ситуацию, может быть понято двумя способами. Оно описывает либо ситуацию, повторяющуюся в течение некоторого относительно краткого промежутка времени, либо как повторяющуюся, например, изо дня в день.

(7) *Кто-то все время скребется в углу.*

Сценарий 1: Пока X сидит в кресле, X слышит, как кто-то время от времени скребется.

Сценарий 2: Если X бывает в комнате, X часто слышит, как кто-то скребется.

Стоит констатировать, что в горномарийском языке суффикс может выражать разные типы значений — либо внутрисобытийное, либо внешнесобытийное. Так, в следующем примере иллюстрируется внутрисобытийное значение — описываемая ситуация предполагает, что Вася в одном и том же месте и в одно и то же время совершает много актов действия, описываемого предикатом ‘гнать корову’:

(8) *Vas'a əʃkal-əm pɔkt-əl-eʃ*

V. корова-ACC гнать-ITER-NPST.3SG

‘Вася корову туда-сюда гоняет’.

Вместе с тем, в следующих примерах, в которых используется один и тот же глагол с суффиксом *-əl-*, описываемые ситуации, безусловно, отличаются по своей внутренней структуре. В случае (7) показатель имеет т. н. альтернативное значение, то есть описывает движение, осуществляемое по повторяющейся траектории из стороны в сторону, в то время как в (8) речь идет о простом

повторяющемся событии — пример иллюстрирует внешнесобытийное множественное значение:

- (9) arašəngä (təškälä-tiškälä) čongešt-əl-eš
 муха туда-сюда лететь-SEM-NPST.3SG
 ‘Муха туда-сюда летает’.
- (10) samol’ot moskva-škê čongešt-əl-eš
 самолет Москва-IN лететь-SEM-NPST.3SG
 ‘Самолет регулярно летает в Москву’.

Случаи (7) и (8), впрочем, легко трактовать единым образом, если предположить, что в каждом случае глагол с показателем множественности просто описывает ситуацию, в которой многократно происходит действие, описываемое глагольной основой. В случае (7), таким образом, описывается ситуация ‘лететь’, которая делится на кванты, каждый из которых также является ситуацией ‘лететь’. В случае (8) таким квантом является один полет в Москву, и этот квант также является ситуацией ‘лететь’. Этот подход предполагает, что если глагольная основа сочетается с показателем *-əl-*, то последний выделяет кванты этой ситуации, и в зависимости от семантики основы и, возможно, других параметров ситуации такие кванты могут описывать разные по своей внутренней структуре события — в некоторых случаях это событие кратковременное, в других — длительное. Примеры (7) и (8) являются прекрасной иллюстрацией этого утверждения — в обоих случаях с точки зрения прагматики речь идет, безусловно, о разных итерациях события ‘лететь’ — либо о множественном летании мухи, состоящем из большого количества летаний в разные стороны в одном месте и в одно время, либо о множественном летании самолета по одному и тому же рейсу, которое, конечно, повторяется с меньшей регулярностью.

Мы считаем, что определяющим для семантики суффикса *-əl-*, таким образом, является не внутри- или

внешнесобытийная семантика, а простое выделение квантов ситуации, обозначаемое глаголом V, таких что каждый из этих квантов также является ситуацией, обозначаемой V. Стоит отметить, что вводимая в [Храковский 1989] и подробно рассмотренная в [Шлуинский 2005] классификация показателей с мультипликативным значением также релевантна для полного описания семантики показателя *-əl-*. Эта классификация опирается на наблюдение, что мультипликативные показатели в языках мира различаются по характеру описываемых ситуаций. Есть различные подвиды мультипликативных значений — дубликатив ('действие повторяется так, что каждый последующий квант отменяет предыдущий'), фреквентатив ('действие осуществляется с малыми перерывами между квантами'), дисконтинуатив ('действие осуществляется с большими перерывами между квантами') и т. д. Некоторые из выделяемых Храковским и Шлуинским значений, действительно, спорадически фиксируются у суффикса *-əl-*:

- (11) Vas'a pi-m azdar-əl-ən
 В. собака-ACC дразнить-ITER-PRET.3SG
 'Вася собаку много раз дразнил'. (*итератив*)
- (12) Vas'a sedok šədešk-əl-eš
 В. постоянно сердиться-ITER-NPST.3SG
 'Вася все время злится'.
 (*итератив*)
- (13) Vas'a ik sveča-m jört-əl-ən
 В. 1 свеча-ACC свеча-ITER-NPST.3SG
 'Вася свечку то погасит, то зажжет'.
 (*дубликатив*)
- (14) Vas'a okn'a-š anž-əl-ən
 В. окно-IN смотреть-SEM-PRET.3SG
 'Вася посматривал в окно [то в одно, то в другое]'.
 (*дисконтинуатив*)

Вместе с тем, подобные значения не являются сколько-нибудь регулярными и могут быть описаны как результат воздействия прагматических факторов: например, множественное гашение свечи, описываемое в (11), трудно представить как последовательность многократных актов гашения, между которыми не было бы промежутков, когда свеча зажжена. Для того чтобы многократное гашение имело место, необходимо, чтобы свеча была зажжена между актами гашения, и именно такие соображения объясняют дубликативную интерпретацию.

Спорными являются также и остальные ярлыки, используемые в примерах выше. Если в (9), по-видимому, представлен итератив в чистом виде, то в (10), по-видимому, речь идет скорее о некоторой частотной ситуации, близкой к хабитуальной, а в (12), возможно, дисконтинуативная интерпретация является следствием влияния дисконтинуативного русского эквивалента — в целом в (12) не говорится, каковы были промежутки между квантами события 'смотреть'. Если думать, что ядерным значением суффикса *-əl-* является простая итерация квантов события, то все вышеуказанные случаи можно объединить как манифестации итеративного значения. Ниже мы покажем с помощью семантических карт, что возникновение дисконтинуативных, дубликативных и иных интерпретаций на самом деле легко объяснимо.

Что касается значений из семантической зоны хабитуальности, которые также описываются в цитируемых выше работах и не могут быть исключены из рассмотрения при полноценном изучении множественности, то стоит констатировать, что у суффикса *-əl-* в горномарийском языке этих значений не фиксируется (мы более подробно осветим этот вопрос в п. 3, где сравним данные горномарийского с данными родственных языков). В силу этого изучение семантики суффикса естественным образом ограничивается рассмотрением итеративных употреблений. Важным аспектом семантики

суффикса является его сочетаемость с глагольными основами разных акциональных и семантических типов, и ее мы рассмотрим ниже.

2. Сочетаемость суффикса с глаголами разных семантических классов

В горномарийском языке есть семантические классы глаголов, которые не могут сочетаться с показателем *-âl-*. К таким глаголам относятся в первую очередь инкрементальные и градативные глаголы. Суффикс не употребляется и в том случае, если множественным является не само событие, которым охвачен участник, а сам участник, ср. (1) и (2):

- (15) *oxêrec šap-en*
огурец испортиться-*PRET.3SG*
'Огурец испортился'.
- (16) **oxêrec-vlâ šap-âl-ên-ât*
огурец-*PL* испортиться-*SEM-*PRET.3SG-PL**
Ожид.: 'Огурцы испортились'.
- (17) **Vas'a tama-m kačk-âl-ên*
V. что.то-*ACC* есть-*SEM-*PRET.3SG**
Ожид.: 'Вася что-то много раз ел'.

Согласно нашим данным, с суффиксом *-âl-* не сочетаются также такие аспектуальные классы глаголов, как стативы: *amalaš* 'спать' — **amalâlaš, âläš* 'жить' — **âläläš, jasëlanáš* 'болеть' — *??jasëlanâlaš*, глаголы эмиссии: *jâlaš* 'гореть' — **jâlâlaš*, а также многие глаголы класса деятельности: *mâškaš* 'мыть' — **mâškâlaš, lâdaš* 'читать' — **lâdâlaš, kuštaš* 'танцевать' — **kuštâlaš, tâškaš* 'клеить' — **tâškâlaš, pogáš* 'собирать' — **pogâlaš, nâlaš* 'лизать' — **nâlâlaš* и т. д. Вместе с тем, как было показано выше в п. 1, многие глаголы класса деятельности допускают присоединение показателя, поэтому принадлежность конкретной лексемы к классу деятельности

не позволяет предсказать, будет глагол сочетаться с суффиксом *-äl-* или нет. Для стативов отрицательная корреляция, как представляется, важна: нам не удалось обнаружить ни одного статива, который присоединял бы суффикс.

Ряд глаголов, содержащих суффикс *-äl-* и связанных словообразовательными связями с бессуффиксными глаголами, на синхронном уровне, по-видимому, не могут анализироваться как содержащие суффикс множественности: *šäršäš* ‘тянуть’ — *šäršäläš* ‘доить’, *šäškäš* ‘бить’ — *šäškäläš* ‘зарезать’. Впрочем, если предположить, что суффикс *-äl-* в данных случаях связан с семантикой множественности, то композиционный анализ глаголов представляется оправданным: так, ситуация ‘доить’ легко может быть представлена как множественная ситуация ‘тянуть’, поскольку доение есть многократное действие потягивания, производимое с помощью рук над выменем коровы, а значение ‘зарезать [скот]’ у глагола *šäškäläš* может представлять собой результат семантического сдвига у глагола со значением ‘многократно бить’ (ср. рус. *забить*). Впрочем, данные соображения не могут без дополнительных аргументов быть признаны верными, хотя и представляются правдоподобными.

3. Суффикс *-äl-* в родственных языках

Некоторый свет на семантику исследуемого суффикса, как представляется, могут пролить данные внутригенетической типологии — мы предполагаем, что некоторые важные закономерности, по которым развивается значение суффикса, могут быть поняты, если учтены все типологические возможности этого процесса. Когнаты суффикса *-äl-* существуют во многих финно-угорских языках (см. [Лыткин и др. 1976]). Вместе с тем, для некоторого пилотного сопоставления мы выбрали удмуртский, бещермянский и коми-зырянский языки, что обусловлено наличием данных достаточного качества, позволяющих

детально исследовать употребления суффикса. Далее мы для простоты будем именовать все когнаты суффикса *-âl-* одинаковым образом.

В качестве источников нами были использованы работы [Перевощиков и др. 1962], [Шлуинский 2005] (для удмуртского), [Лыткин 1962] и [Кузнецова и др. 2010] (для коми-зырянского), а также статья [Сердобольская 2012]); кроме того, в качестве источника данных по коми-зырянскому языку был использован корпус текстов на ижемском диалекте коми-зырянского языка, разрабатываемый в рамках проекта по составлению Диалектологического атласа уральских языков Ямало-Ненецкого АО.² Важным источником данных обо всех вышеупомянутых языках (кроме бесермянского) послужила также монография [Серебрянников 1960].³

При описании данных родственных языков мы не будем останавливаться на итеративном значении показателя *-âl-*, которое в том или ином виде засвидетельствовано во всех рассматриваемых языках. Наибольший интерес для нас представляют не-итеративные употребления. В удмуртском языке, например, помимо итеративного, зафиксированы также дисконтинуативное и хабитуальное значение:

(18)	мынам	брат-э	косяк-э
	я.GEN	брат-POSS.1SG	окно-ILL

² На момент написания статьи корпус, к сожалению, не находится в общем доступе в связи с тем, что он продолжает обновляться. Текущую версию можно получить у автора статьи.

³ В нашу выборку не включен луговой марийский язык, который является наиболее родственным горномарийскому. Причина этому, во-первых, в том, что суффикс *-âl-* описывается в [Галкин 1966] и [Серебрянников 1960] применительно сразу к луговому марийскому и к горномарийскому языкам, поскольку подобное разделение авторами не проводится. Во-вторых, данные этих описаний практически полностью соответствуют нашим данным.

учк-ыл-э вал
 смотреть-ITER-PRES.3SG RETR
 ‘Мой брат посматривал в окно’.

- (19) куке война вал, лэсьт-ыл-л-й-мы чернило
 когда война RETR делать-ITER-PST-1PL чернила
 горд кушман-лэсь
 красный редька-ABL
 ‘Когда была война, мы делали чернила из свеклы
 [=красной редьки]’.

[Шлуинский 2005: 137]

Как мы уже отмечали выше, у удмуртского суффикса *-əl-* есть и узитативное значение, которое кодирует ситуации, когда-либо происходившие в прошлом, без указания на количество повторений ситуации:

- (20) вазен куро пырты-л-о, пудо
 раньше солома вносить-ITER-PRES.3PL скот
 пырты-л-о вал.
 вносить-ITER-PRES.3PL RETR
 ‘Раньше {в дом к молодой хозяйке} заносили
 солону, заводили скот’.

[Шлуинский 2005: 138]

В близкородственном удмуртскому бесермянском языке также есть показатель *-əl-*. Стоит отметить, что в работе [Сердобольская 2012] суффиксы *-əl-* и *-l'a-* трактуются как алломорфы, и утверждается, что выбор того или иного показателя обусловлен типом спряжения. В данной статье мы опускаем вопрос о том, правомерно ли отождествление двух суффиксов на диахроническом уровне, и следуем логике цитируемой работы. Итак, помимо итеративного, у суффикса выделяются также экспериентивное (19) и антирезультативное (20) значение:

- (21) ku-ke ton uja-l'a-d-a pəž-ən?
 когда-INDEF ты плавать-ITER-2-Q лодка-INSTR
 ‘Ты когда-нибудь плавал на лодке?’
 [Сердобольская 2012: 769]
- (22) buške'-e kotəŋ-t-əl-i-z bakč'a-z-e
 сосед-1SG окружать-SEM-ITER-PRT-3 огород-3-ACC
 təm-en, a so kwaška-z.
 плетень-INSTR а тот ломаться-3
 ‘Сосед окружил [было] огород плетнем, а он
 сломался’.
 [Сердобольская 2012: 767]

Вместе с тем, бесермянский суффикс *-əl-* допускает также делимитативное прочтение (‘немного V’). Судя по имеющимся данным, в таком значении суффикс сочетается с глаголами-деятельностями и стативами:

- (23) so gora-l'a-l-o-z bakč'a-z-e.
 он копать-ITER-EXT-FUT-3 огород-3-ACC
 ‘Он (немного) покопает огород’.
 [Сердобольская 2012: 766]
- (24) mon vəd-əl-o ken'a-ke.
 я лежать-ITER-FUT сколько-INDEF
 ‘Я полежу чуть-чуть’.
 [Сердобольская 2012: 766]

Сходная ситуация наблюдается и в коми-зырянском языке, в котором, по-видимому, суффикс *-əl-* имеет наиболее широкий из рассматриваемых языков спектр значений. В коми-зырянском, как и в бесермянском, у суффикса выделяется делимитативное значение:

- (25) bereg-e vo-im da
 берег-ILLL приходить-PST.1PL и

šoč'č'-yšt-im **vugyrt-l-im**
 отдыхать-SEM-PST.1PL дремать-ITER-PST.1PL
 'До берега дошли и немного отдохнули, подремали'.
 [корпус]

Вместе с тем, широко фиксируются также и значения, не столь очевидно связанные с множественностью. В частности, в коми-зырянском отмечается узитативное значение суффикса *-â/-*:

(26) ny-ked aj-nys **s'orn'it-l-is**
 3PL-COM отец-POSS.3PL разговаривать-ITER-PST.3
 sy-ly zej vâl-i jur-a-s
 тот-DAT очень быть-PST.3 голова-LOC-POSS.3SG
 руг-ema sečem s'orn'i-jas-ys
 войти-PRF такой разговор-PL-POSS.3SG
 përys'd -jas-ys-len
 старый-PL-POSS.3SG-GEN
 'С ними их отец разговаривал, и ему очень запомнились (букв.: в голову вошли) такие разговоры у пожилых'.
 [корпус]

В коми-зырянском языке наблюдается также не фиксируемое в других языках нашей выборки значение, которое может быть анализировано только как значение давнопрошедшего времени. Этот вид значений вообще не связан с семантикой множественности, поскольку обозначает однократное событие, происходившее в прошлом. Вместе с тем, нет каких-либо существенных доказательств того, что суффикс *-(y)l-*, используемый в подобных контекстах, является отличным от суффикса итератива показателем:

- (27) *tože č'omj-yn rəd'ič'č'-yl-ema*
 тоже чум-LOC родиться-ITER-PRF
 'Тоже в чуме родился'.

[корпус]

У показателя фиксируется также значение однократного действия. Так, в описании ижемского диалекта коми-зырянского языка [Лыткин 1962] упоминается значение «однократного (кратковременного) вида» у суффиксов *-l-* и *-ool-*. В случае если суффикс *-l-* обозначает кратковременное действие, то, по-видимому, речь идет о небольшой длительности ситуации:

- (28) *nəgevit-l-y, me s'oj-yšt-a*
 ждать-ITER-IMP 1SG есть-SEM
 'Подожди, я покушаю'.

[Лыткин 1962: 89]

В описании коми-зырянского литературного языка [Лыткин и др. 1955: 223–224] описание суффикса детализируется следующим образом: «Основная функция данной видовой формы глагола — это выражение такого однократного действия, которое скоро должно смениться действием противоположного характера... например, *босьтлы* означает “возьми один раз на время и обратно положи или верни”, *петав* “выйди на время и обратно зайди” и т.д.». Там же отмечается следующая особенность суффикса: «Иногда форма кратковременного вида обозначает многократность действия благодаря особенностям контекста (например, в контексте имеются количественные наречия и т. д.), как в следующем примере:

- (29) *галстук-ыс тыдалӧ топӧд-іс*
 Галстук-POSS.3SG видимо затягивать-PST.3

сьылі-сö, и Парамон Демидыч раз-мöд-ысь
 шея-ACC.POSS.3 и П.Д. раз-другой-EL
 нин инмöд-ч-ыл-іс ки-на-с
 уже трогать-DETR-ITER-PST.3 рука-INS-POSS.3
 сы дінö⁴
 DEM около
 ‘Галстук, видимо, давил шею, и Парамон Демидыч
 несколько раз уже дотрагивался до него’.
 [там же: 224]

В указанном отрывке однократная форма *инмöдчыліс* ‘дотронулся’ означает многократное действие в присутствии наречия многократности *раз-мöдысь* ‘несколько раз’.

В работе [Серебренников 1960: 98] указывается также, что в литературном варианте коми-зырянского языка суффикс *-(ä)l-* употребляется как в однократном, так и в многократном значении. Оба значения трактуются в работе как характеризующие один и тот же суффикс:

(30) ыпнит-л-іс би
 сверкать-ITER-PST.3 огонь
 ‘Сверкнул огонь’.

(31) гиж-л-іс
 писать-ITER-PST.3
 ‘(Он) писал много раз’.
 [Серебренников 1960: 99]

Как видно из примеров, в литературном варианте коми-зырянского языка в суффиксе также совмещаются значение итеративности и значение, которое, по-видимому, можно охарактеризовать как семейфактивное (к сожалению, из-за малого количества примеров сделать более общие выводы не получается).

⁴ Здесь пример дается в кириллической записи, чтобы сохранить текст оригинала.

Итак, мы постарались показать, что в родственных горномарийскому языках наблюдается большой спектр значений суффикса *-əɫ-*, которые иногда не сводятся к множественности. Суммируем наши наблюдения в следующей таблице:

Таблица 1.

значение суффикса	ГМ	УДМ	БЕС	КЗ
квант	да	нет	(да)	(да)
итератив	да	да	да	да
делимитатив	нет	н.д.	(да)	(да)
хабитуалис	нет	да	да	да
узитатив	нет	да	да	да
экспериентив	нет	нет	да	да
антирезультатив	нет	нет	да	(нет)

Наблюдаемые факты в целом хорошо укладываются в типологические ожидания и могут быть объяснены теорией, излагаемой в [Шлуинский 2005]. По данным таблицы видно, что языки противопоставлены по спектру значений суффикса следующим образом. Горномарийский язык развивает только два значения, в то время как все значения из семантической зоны хабитуальности оказываются для горномарийского недоступны. Во всех остальных языках хабитуальное значение представлено либо обычным хабитуалисом, либо узитативом. Только в двух языках добавляются значения, не связанные напрямую с множественностью — экспериентив и антирезультатив.

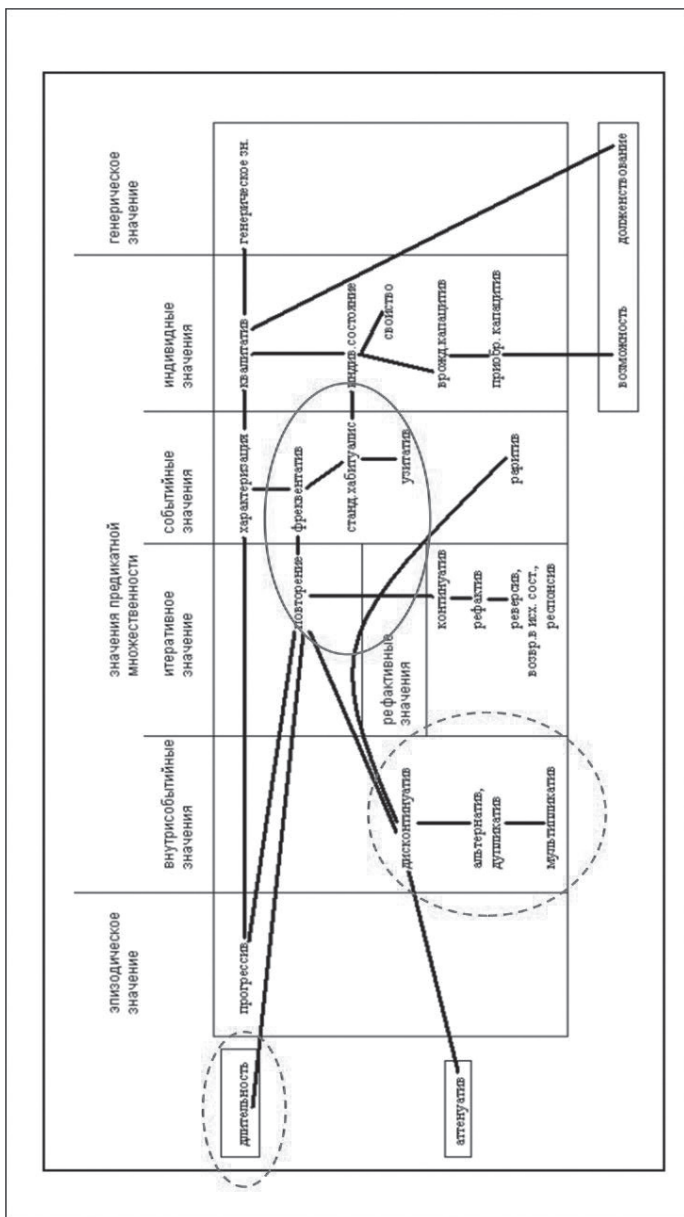
Работа [Шлуинский 2005] предлагает объяснения для большинства случаев, описанных в данном пункте, поэтому мы не будем подробно останавливаться на подробном пересказе этих рассуждений и ограничимся констатацией основных фактов. Узитативное и хабитуальное значение различаются только тем, что в первом случае ситуация, обозначаемая глаголом с показателем узитатива, не

охарактеризована по числу повторений, и семантическое развитие хабитуалиса в узитатив может быть описано как потеря показателем элемента значения ‘много раз’. В свою очередь, экспериентив может мыслиться как некоторое расширение узитатива — если суффикс узитатива описывает ситуацию ‘V произошло неопределенное количество раз’, то экспериентив, который, по сути, описывает ту же ситуацию, с высокой долей вероятности может быть следствием развития узитатива. Несколько сложнее обстоит дело с развитием значения антирезультатива — можно предположить, что он развивается из экспериентива, тем более что он среди языков нашей выборки представлен только в том языке, где есть экспериентив.

Изложенные соображения позволяют утверждать, что экспериентив не является исходным значением суффикса *-âl-* (что в целом совпадает с выводами работы [Вострикова 2010], согласно которым значение экспериентива в большинстве языков развивается как вторичное по отношению к другим грамматическим значениям). Не может являться первичным и хабитуальное значение, которое представлено не во всех языках выборки. Развитие итератива в хабитуалис также представляется тривиальным фактом: утверждение о повторяемости события легко может быть переосмыслено как утверждение о хабитуальности события, и этот факт также описан в работе [Шлуинский 2005].

Взятая из работы [Шлуинский 2005] семантическая карта, приведенная в Таблице 2, отображает пути семантической эволюции показателей множественности в языках мира, и нанесение на нее известных нам значений суффикса *-âl-* позволяет увидеть, что в целом предсказания этой семантической карты для рассматриваемых языков выполняются (сплошной линией на карте обведены центральные значения, пунктирной — спорадически встречающиеся).

Таблица 2.

Вместе с тем, проблема делимитативных и семельфактивных значений для нашего исследования пока не получает удовлетворительного решения. Речь идет о примерах типа (21)–(23), в которых говорится о непродолжительных действиях, и подобные случаи, как представляется, можно расположить на семантической карте в Таблице 2 в крайне левом столбце как манифестации аттенуатива ('действие V производится с пониженной интенсивностью'). При такой трактовке ситуации 'немного полежать', 'покопать' или 'подремать' представляют собой ситуации, отличающиеся меньшей по сравнению с ситуациями 'лежать', 'копать' и 'дремать' длительностью. Вместе с тем, если согласиться с подобной точкой зрения, то стоит также принять во внимание отсутствие (по крайней мере, в наших данных) у суффикса *-əl-* дисконтинуативных значений в тех языках, в которых фиксируется наличие аттенуативных употреблений (т. е. в бесермянском и коми-зырянском). Если дисконтинуативное значение отсутствует в каком-либо из этих языков, тогда на семантической карте должен быть разрыв между значением повторения и аттенуативом, что представляется не очень приятным фактом: в таком случае стоит фиксировать исключение из предлагаемой Шлуинским модели и объяснять его.

Не желая, впрочем, углубляться в спекулятивное теоретизирование о ненаблюдаемых фактах, укажем на еще один теоретически возможный сценарий развития значения суффикса *-əl-*. Если мы предполагаем, как это делается в работе [Лыткин и др. 1976], что семельфактивное и множественное значение принадлежат одному и тому же суффиксу, тогда стоит констатировать, что одно из них является производным от другого (либо оба производны от третьего). Предположим, что исходное значение — семельфактивное; в таком случае можно теоретически вывести, что значения типа 'немного полежать' являются некоторым расширением исходного семельфактивного значения 'сделать один квант V'. В самом деле, квант лежания 'немного полежать' также является лежанием, квант

копания ‘немного покопать’ является копанием и т. д. Вместе с тем, подобное рассуждение на самом деле не подтверждено никакими эмпирическими фактами и является не более чем некоторым возможным вариантом развития событий.

Итак, из языков нашей выборки, таким образом, только горномарийский явно демонстрирует наличие двух кардинально различных употреблений суффикса *-äł-* — семельфактивного и множественного. В коми-зырянском языке и отчасти в бесермянском наблюдается также значение краткой продолжительности действия, которое семантически близко к семельфактиву. Можно предположить, что на самом деле как делимитативное (‘немного полежать’, ‘немного покопать’), так и семельфактивное значение являются производными от множественного. Это предположение согласовалось бы с тем фактом, что в большинстве финно-угорских языков суффикс имеет множественное значение и не имеет семельфактивного. Вместе с тем, при подобном сценарии необходимо показать, каким именно путем происходило развитие множественного значения в семельфактивное. Учитывая известные типологические сценарии, можно предположить, что развитие происходило по следующей цепочке:

(32) ‘итератив’ → ‘дисконтинуатив’ → ‘аттенуатив’ →
‘семельфактив’

В то время как два первых перехода хорошо описываются семантической картой из работы [Шлуинский 2005], последний переход (от делимитатива к семельфактиву) представляется некоторым искусственным звеном. С помощью такого перехода мы эксплицируем нашу интуицию, согласно которой делимитативные значения типа ‘покопать’ семантически связаны с семельфактивными значениями типа ‘потянуть’ или ‘сложить (один раз)’. Проблема, однако, заключается в том, что в случае горномарийского языка мы в действительности наблюдаем только первое и последнее звено данной

цепочки, в то время как дисконтинуативные значения у горномарийского суффикса *-əl-* наблюдаются крайне редко, а аттенуативные не наблюдаются вообще. Таким образом, для того чтобы делать утверждения о переходе итеративного значения в семельфактивное, в описание необходимо ввести ненаблюдаемые сущности, что представляется не вполне приемлемым. (Заметим в скобках, что в случае коми-зырянского такой проблемы нет — в этом языке у суффикса есть все значения из цепочки.)

Есть, однако, иной путь, по которому потенциально может идти развитие суффикса. Можно предположить, что семельфактивное значение напрямую развивается из множественного (см., например, [Храковский 1998]). Вопрос о таком переходе, однако, остается открытым: с семантической точки зрения он выглядит неправдоподобным, поскольку неясно, как в отсутствие дополнительных условий множественное событие начинает обозначать единичное. Возможным решением данной проблемы было бы допущение о том, что исходно глагольная лексема может иметь и мультипликативное, и семельфактивное значение. Такое положение вещей действительно наблюдается в некоторых языках мира и описывается в [Храковский 1998: 488] на примере английских глаголов:

- (33) *kick* ‘ударить/ударять’
wink ‘мигать/мигнуть’

Каждая из этих лексем в присутствии определенных операторов (например, наречий кратности типа ‘два раза’) может развивать мультипликативное значение. Речь в подобных случаях идет не о том, что исходно мультипликативный глагол становится семельфактивным, и не о том, что второе значение развивается из первого, — дело скорее в дополнительных операторах, которые позволяют получить оба значения от одного и того же глагола. Впрочем,

подробное моделирование процесса не входит в задачи данной статьи и оставляется на будущее.

Итак, из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, мы показали, что развитие значения суффикса в некоторых родственном горномарийскому языкам происходит согласно известным типологическим сценариям. Во-вторых, в некоторых языках у суффикса развивается также делимитативное значение, причем оно может быть производным как от итеративного, так и от семельфактивного. Возникает впечатление, что семельфактивное значение наблюдается только в горномарийском языке и сценарий, согласно которому это значение утрачивается во всех родственном языках, маловероятен и даже неправдоподобен. Вместе с тем, крайне сложно объяснить, как именно это значение развивается в горномарийском языке. Исходя из данных соображений, мы по-прежнему не отвергаем гипотезу, согласно которой семельфактивное значение суффикса *-əl-* является исходным. В следующем разделе мы приведем дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения, и эти аргументы будут основываться на двух фактах, известных лингвистической науке. Во-первых, мы приведем соображения из области формальной семантики, согласно которым множественность трактуется как квантование предикатов. Во-вторых, мы покажем, что для других суффиксов из рассмотренных нами языков характерны те же самые свойства, что характеризуют суффикс *-əl-*: в одних языках они имеют семельфактивное значение, в то время как в других — мультипликативное или множественное.

4. Анализ

Прежде всего, стоит отметить следующий факт: для утверждения о том, что семельфактивное употребление суффикса *-əl-* является первичным по отношению к множественному, есть некоторое достаточно простое семантическое

соображение. Оно состоит в том, что для того чтобы рассуждать о множественности объектов, нужно сначала выделить некоторые кванты этого объекта, которые можно считать. Множественности не может быть, если для ее описания нет понимания о считааемых объектах.

Если принять противоположную точку зрения и предположить, что исходным является, напротив, множественное употребление, тогда должна быть некоторая теория, которая объяснит, почему и как семельфактивное употребление становится производным от него. Объяснение этого факта, впрочем, должно быть достаточно длинным: для этого потребуется предположить, что итеративное употребление развивается в дисконтинуативное, затем в аттенуативное (см. семантическую карту в Таблице 2), и только потом аттенуативное значение некоторым образом развивается в семельфактивное. В горномарийском языке аттенуативного употребления у *-əl-*, как мы отметили выше, нет, и оно, таким образом, остается некоторым постулируемым, но не наблюдаемым феноменом. Учитывая, что в горномарийском языке итеративное значение не склонно приобретать дополнительные значения вроде дисконтинуативного или аттенуативного, остается неясным, почему и как итеративный суффикс мог бы эволюционировать в семельфактивный.

Напротив, если предположить, что исходное значение суффикса *-əl-* является семельфактивным, то требуется объяснить только один факт — как именно оно становится итеративным. При таком подходе семельфактивный суффикс в горномарийском языке является остаточным явлением, а для современного состояния языка продуктивным является только множественное (итеративное) употребление. Следующий шаг в нашем рассуждении — предложить правдоподобный сценарий, объясняющий семантический сдвиг.

В лингвистических исследованиях в последние два десятилетия были описаны факты, которые могут быть рассмотрены как косвенные свидетельства в пользу нашей

точки зрения. Эти факты анализировались в русле формальной семантики, и, чтобы представить их полнее, мы охарактеризуем для начала несколько различных подходов к глагольной множественности. Классический подход Лазерсона, описанный в работе [Lasersohn 1995], предполагает, что оператор множественности есть некоторый модификатор глагольной группы, который «умножает» событие, обозначаемое ею, и прагматически ограничивает кардинальность получаемого множественного события. Формально подход Лазерсона выражается следующим утверждением:

$$(34) V\text{-PA}(X) \leftrightarrow \forall e, e' \in X[V(e) \& \exists f(e) \otimes f(e')] \& \text{card}(X) \geq n,$$

где f — функция, отображающая события в их временные, пространственные следы или части участника

Из данного понимания множественности следует, что выражение, содержащее оператор множественности, должно содержать утверждение о множественном событии, которое состоит из событий таких, что значения функции отображения этих событий во временные, пространственные отрезки или в части участника этих событий не пересекаются друг с другом. Иными словами, подсобытия, составляющие множественное событие, не должны пересекаться друг с другом ни во времени, ни в пространстве, ни в участниках. Это условие для горномарийского языка не выполняется — см. цитировавшийся выше пример (6), повторяемый как (33):

$$(35) \text{Vas'a } \hat{a}\check{s}\text{kal-}\hat{a}\text{m}$$

В. корова-ACC
рокт-âl-eš
гнать-SEM-NPST.3SG/гнать-NPST.3SG
Вася корову туда-сюда гоняет.

В данном примере каждое событие ‘гнать корову’, повторяемое в множественном событии, имеет одного и того же партиципанта ‘корова’, и, следовательно, предсказание Лазерсона для горномарийского языка не выполняется.

Второй подход к глагольной множественности представлен в работе [Tatevosov 2007], где анализируется суффикс чувашского дисконтинуатива *-kala-*. Согласно идеям, изложенным в этой работе, чувашский дисконтинуатив можно рассматривать как параметрическое наречие, которое берет в свою сферу действия событие, обозначаемое глаголом, и модифицирует некоторую шкалу, характеризующую этот глагол. Формальное представление семантики суффикса выглядит следующим образом:

$$(36) \parallel -kala- \parallel = \lambda P \lambda e \exists d [F_c(P)(e) = d \wedge d < \text{STANDARD}(F_c)(C)]$$

Это выражение содержит в себе переменную F_c , которая специфицирует степень d , до которой глагол обладает некоторым свойством; семантика суффикса *-kala-* заключается в спецификации значения этой степени: глагол, содержащий суффикс, обозначает действие, которое характеризуется меньшей степенью d по сравнению со стандартом. Поясним это на конкретных примерах. Значение глагола может характеризоваться разными параметрами — длительностью (*танцевать*, *пахать*), степенью выраженности градуируемого признака (*краснеть*), качеством действия и т. д. Форма с показателем множественности означает «занижение» значения такого параметра по сравнению со стандартным. В примере (35) подобной модификации подвергается параметр качества действия (‘Вася пахал поле с перерывами, а не непрерывно, как ожидалось’), в примере (36) — длительности действия (‘он попел недолго, меньше, чем ожидалось’):

- (37) Vas'a uj-a suxala-kala-r-e.
 V. поле-DA пахать-KALA-PFV-3SG
 'Вася пахал поле время от времени.'
- (38) vyl jurla-kala-r-e.
 он петь-KALA-PFV-3SG
 'Он немного попел.'

Не вдаваясь в особенности механизма взаимодействия значения суффикса и глагольной основы, которое весьма нетривиально, отметим, что подобный анализ, однако, неприменим для суффикса *-əl-* в горномарийском языке. Причина этого заключается в том, что в общем случае горномарийский суффикс не обозначает никакого отклонения от стандарта ни в большую, ни в меньшую сторону. Не стоит обходить вниманием, однако, случаи, когда суффикс обозначает частотное, но не редкое событие, как в следующем примере:

- (39) samol'ot moskva-škā čongešt-əl-eš
 самолет Москва-IN лететь-SEM-NPST.3SG
 'Самолет регулярно/*редко летает в Москву'.

Стоит признать, что семантический элемент 'много раз', по-видимому, все же является частью значения суффикса *-əl-*: всякий раз, когда к глаголу добавляется суффикс множественности, речь идет о частом, но не о редком событии. Вместе с тем, неверно считать, что суффикс *-əl-* в качестве элемента своей семантики содержит указание на относительную частоту события. Один из аргументов в пользу этого — сочетаемость с суффиксом *-kal-*, который в горномарийском языке может быть анализирован как модификатор степени, как и чувашский *-kala-*, когнатом которого он, предположительно, является (о дискуссии по этому вопросу см. [Галкин 1966: 105], [Лыткин и др. 1976: 366]; о семантике суффикса *-kal-* см. [Дьячков, Стрыгина (в печати)]). Этот суффикс обозначает ситуацию,

которая развивается с отклонением от некоторого ожидаемого стандарта этой ситуации, ср. следующие примеры:

- (40) Vas'ilij St'eġan-ġm pälġ-käl-ġn
 В. С.-ACC знать-DISC-PRET.3SG
 'Василий был немного знаком со Степаном'.
 (41) Vas'a kuštġ-kal-a
 В. танцевать-DISC-NPST.3SG
 'Вася то попляшет, то посидит
 [=пляшет с перерывами]'.

Как и в цитирувавшихся выше чувашских примерах, речь в (38) и (39) идет о действиях, отклоняющихся от стандарта в сторону меньшего ему соответствия. Если бы суффикс *-ġl-* означал отклонение от стандарта множественности в большую сторону ('делать более V, чем ожидается'), а суффикс *-kal-* — в меньшую, их совместная сочетаемость была бы недопустима, поскольку событие не может происходить одновременно с большей и меньшей частотой, чем обычно. Это ожидание, однако, нарушается, поскольку суффиксы сочетаются друг с другом:

- (42) Vas'a pi-m azdar-ġl-kal-ġn
 В. собака-ACC дразнить-ITER-DISC-PRET.3SG
 'Вася собаку (время от времени) дразнил'.

Этот факт делает наше предположение о суффиксе *-ġl-* лишенным оснований — как минимум приходится констатировать, что сравнение со стандартом не является частью семантики суффикса, хотя значение повышенной частотности иногда, по-видимому, может привноситься контекстом.

Таким образом, исследуемый суффикс должен анализироваться некоторым способом, отличным от упоминавшихся нами. В лингвистической теории известны разработки, которые связаны в первую очередь с языком каритиана

(см. [Müller & Sanchez-Mendes 2007], [Henderson 2010], [Ward 2012]). В каритиана показатели множественности «умножают» не части события, а события целиком (итерация события выражается редупликацией глагольной основы):

- (43) pikom kɔn na-pon-pon ðwã
 обезьяна POS 3.DECL-стрелять-RDP.NFUT ребенок
 ‘Ребенок стрелял в обезьян’.
- (44) ðwã naka-m-’a-m-’a-dn
 ребенок 3.DECL-CAUS-строить-CAUS-строить-NFUT
 gooj
 каноэ
 ‘Дети строили (много) каноэ’.

В указанных работах множественность анализируется как выделение некоторых атомарных событий. Для определения атомарного события используется функция под названием *atom*, которая выделяет из события его фрагменты следующим образом:

$$(45) \text{atom}_{\leq}(x) \leftrightarrow \forall y(y \leq x \rightarrow y = x)$$

Данное определение позволяет выделить среди множества событий такие события *y*, являющиеся частью события *x*, что они также являются *x*. Не вдаваясь подробно в описание формального механизма функционирования определения (о котором см. [Ward 2012]), отметим существенные для нашего рассуждения следствия данного выше определения. В теории, изложенной в [Henderson 2010] и [Ward 2012], *atom* есть функция, которая выделяет единичные события и не выделяет деятельности и состояния. Это происходит потому, что функция не производит никаких операций над внутренней структурой события, обозначаемого глаголом: таким образом, могут быть выделены не внутренние подынтервалы ситуации, а целые события. Из подобного понимания следует,

что функция может выделить атомы события, описываемые как семельфактивы, свершения и достижения. Глаголы каждого из этих трех классов обозначают ситуации, имеющие естественный предел.

Таким образом, выделение атомарных событий с помощью функции *atom* есть, по сути, квантование кумулятивных (в терминологии Крипки) предикатов. Квантованию могут быть подвержены не все предикаты — так, в каритиана не могут быть квантованы деятельности и состояния (они, соответственно, не присоединяют показатели множественности), но могут семельфактивы, свершения и достижения. Каждый квант обозначает совершение события, обозначенного основой, от начала до конца. Нетрудно заметить, что такая ситуация в точности соответствует ситуации в горномарийском языке, в котором действуют те же самые ограничения на аспектуальные свойства глаголов, присоединяющих показатель *-ǎl-*.

В трактовке вышеупомянутых работ значение суффикса сводится не только к выделению атомарных событий, но и к добавлению требования, чтобы предикат не был атомом (т. е. чтобы он содержал два или больше подсобытия); мы не знаем, является ли такой анализ множественности в каритиана верным, но для нас важна мысль о квантовании предиката как об основополагающей операции над исходной глагольной основой. Следующая операция, которая должна быть произведена над выделенными атомами, — это некоторая операция умножения атомарных событий. Мы оставляем за рамками данной работы вопрос о том, как она должна быть представлена формально — возможно, это некоторый оператор умножения атомов; для нас важнее вопрос о том, почему и как это происходит.

Формальный механизм такого рода, однако, также известен в литературе — он описан в работе [Rothstein 2008], посвященной формальной семантике семельфактивов. Не углубляясь в описание сложного доказательства положений, отстаиваемых в этой работе, отметим ее основную мысль: она

заключается в том, что семельфактивные суффиксы могут в определенных контекстах употребляться как деятельности (в вендлеровском смысле). Подобные контексты для другого класса квантованных предикатов — в частности, достижений, которых объединяет с семельфактивами мгновенный характер обозначаемых действий, — известны, в частности, в английском языке (см. подробное обсуждение в [MacDonald 2006]):

- (46) *Jerry caught the raccoon for an hour.*
'Джерри ловил енота час [= много раз].'
(47) *George shelved the book for an hour.*
'Джордж ставил книгу на полку час [=много раз].'
[MacDonald 2006: 48]

Данные предложения иллюстрируют механизм возникновения итеративного значения. Он состоит в том, что исходно квантованные предикаты класса свершений типа *catch* 'поймать' или *shelf* 'поставить на полку' начинают обозначать итеративные события в присутствии операторов длительности. В примере (40) таким оператором является оператор *for an hour* 'в течение часа', который сигнализирует, что описываемое событие было длительным. Иными словами, семантика длительности «навязывается» подобными операторами, и удлинение семельфактивного события или свершения естественным образом приводит к тому, что такое событие просто начинает повторяться — иначе между показателем семельфактива и оператором длительности возникает конфликт, поскольку первый обозначает мгновенное событие, а второй такое событие модифицировать не может.

Все сказанное, однако, носит характер не более чем гипотезы в отсутствие непосредственных эмпирических данных. Принятие данной гипотезы позволяет встать на точку зрения работы [Лыткин и др. 1976: 367–368], где считается, что двух разных когнатов у семельфактивного и итеративного суффиксов *-əl-* нет. В пользу этой точки зрения имеется еще

один независимый аргумент, и он касается еще одного суффикса множественности в горномарийском языке, а именно суффикса *-âšt-*. В горномарийском языке этот суффикс имеет только значение множественного события, обозначаемого глагольной основой:

- (48) Vas'a paškudê-m ik gänä jad-âšt-en
 В. сосед-ACC 1 раз спросить-ITER2-PRET.3SG
 'Вася соседа один раз расспросил [=задал много
 вопросов один раз]'.
 '*Вася соседу задал один вопрос'.

Вместе с тем, по-видимому, когнатный ему суффикс *-išt-* в коми-зырянском имеет в основном семельфактивное значение, см. [Кузнецова и др. 2010]:

- (49) мёд пом-сэ вунд-ышт-ан
 другой конец-ACC.POSS3 резать-SEM-NPST.2
 'Другой конец надрезешь'.
 [корпус]

Изредка этот суффикс имеет множественное значение, как в следующем примере, где представлены оба значения — и семельфактивное, и итеративное:

- (50) понм-ыс уут-ишт-ис.
 собака.OBL-POSS.3SG лаять-SEM-PST.3SG
 'Собака полаяла/тявкнула'.
 [Кузнецова и др. 2010: 231]

Безусловно, развитие семельфактивного суффикса в итеративный, которое на этот раз эмпирически наблюдается внутри генетически родственных языков, должно получить правдоподобное объяснение, и мы считаем, что случаи типа (48) являются пограничными между

семельфактивным и итеративным значениями. В выражении (48) есть итеративный компонент, и он выражен морфологическим нулем. Возможно, именно наличие морфологического нуля облегчает переинтерпретацию подобных выражений как выражений, обозначающих множественные события.

Независимое подтверждение существования двух противоположных значений в одном суффиксе содержится и в уже цитировавшейся работе [Серебренников 1960: 98–99]: «Исследование видовых значений в коми языке позволяет установить интересный внутренний закон, выражающийся в поляризации значений видовых суффиксов. На существование этого закона прежние исследователи почему-то не обращали внимания. Сущность его состоит в том, что суффиксы *-лы-* (*-ыв-*) и *-ышт-* фактически могут выражать мгновенное, однократное и в то же время длительное действие». Значения суффикса *-âšt-*, как следует из примеров, приводимых в работе, могут быть охарактеризованы как значения продолжительного действия, не характеризующегося большой интенсивностью:

- (51) *зэр-ышт-ö* ‘слегка дождит, моросит’
дзирд-ышт-ö ‘слегка блестит’

В работе также отмечается, что глагольные формы с суффиксами *-âl-* и *-âšt-* в своем однократном употреблении «почти тождественны по значению и обе выражают кратковременное действие».

Еще одним заслуживающим внимания фактом является то, что как остаточное явление, по-видимому, суффикс *-âšt-* в своем семельфактивном значении фиксируется и в марийских языках: в [Галкин 1966: 98] упоминается два глагола — *чывышташ* ‘ущипнуть’ и *тöргэштäш* ‘прыгнуть’ (см., впрочем, там же замечание о том, что однократные и многократный суффиксы могли иметь разное происхождение). В работе

признается, что вероятность того, что оба суффикса все же имеют одно и то же происхождение, все же есть, поскольку когнатов многократного *-äšt-* в родственных языках не обнаруживается.

Таким образом, сразу несколько фактов указывают на то, что сценарий, согласно которому суффиксы множественности в финно-угорских языках являются и суффиксами семельфактива, и суффиксами итератива, как минимум имеет некоторую вероятность. Эти факты следующие: 1) в горномарийском языке (как и в коми-зырянском) суффикс *-äI-* может иметь значение как единичности, так и множественности действия; 2) в коми-зырянском, а также, возможно, в бесермянском суффикс может иметь делимитативное значение, семантически близкое к семельфактивному; 3) семантическое развитие итеративного значения в семельфактивное как минимум в горномарийском требует серьезного семантического обоснования, эмпирических подтверждений которому нет; 4) если предположить, что множественность является средством квантования предикатов, то семантический элемент итеративности действия может вноситься (нулевым) итеративным оператором; 5) именно это, по-видимому, происходит в случае некоторых других суффиксов множественности, в частности, коми-зырянских *-(ä)I-* и *-äšt-*: в случае этих суффиксов мы эмпирически наблюдаем совмещение единичности и множественности в одном показателе. Таким образом, возможность случайного совпадения двух значений у горномарийского *-äI-* требует пристального изучения в свете высказанных соображений и может быть подвергнута вероятностной оценке.

Впрочем, дальнейшая разработка этой модели должна учитывать ряд факторов, однако подобная работа уже не входит в планы данной статьи. Вместе с тем, еще раз отметим, что, по нашему мнению, подобный параллелизм в поведении разных суффиксов отнюдь не случаен.

Выводы

Итак, в данной статье мы кратко рассмотрели семантику и дистрибуцию суффикса *-əl-* в горномарийском языке в попытке решить вопрос, являются ли омонимичные суффиксы *семельфактива* и *итератива* одним и тем же суффиксом или разными. Мы выяснили, что суффикс плохо сочетается с глаголами-действиями и состояниями, и показали, что для описания семантики суффикса параметр *внутри- vs. внешне-событийности* несуществен, т. е. суффикс может обозначать как события, происходящие в одно и то же место и время, так и события, отстоящие друг от друга в пространстве и времени. Важным же для описания семантики суффикса является то, что он выделяет некоторое атомарное событие, обозначаемое глаголом, и производит с ним операцию умножения этого атома. Атомарное событие, согласно существующим формальным теориям глагольной множественности, определяется на множестве свершений, достижений и *семельфактивов*, что в целом соответствует ситуации в горномарийском языке.

Вместе с тем, данные родственных языков позволяют утверждать, что суффикс *-əl-* ведет себя в полном соответствии с типологическими предсказаниями, то есть развивает все значения, которые часто развивают показатели множественности — *хабитуалис*, *узитатив* и т. д. Рассмотренные родственные языки различаются набором значений суффикса, однако настоящим вызовом для теорий множественности является развитие итеративного значения из *семельфактивного*. Мы предложили для данного явления некоторые объяснения из области формальной семантики и аспектологии *семельфактивов*, и эти данные подкрепляются сведениями о поведении других суффиксов множественности в родственных языках. Таким образом, у нас есть основания полагать, что два суффикса связаны друг с другом диахронически и что явление переинтерпретации *семельфактива* в итератив является вполне вероятным сценарием развития событий.

Мы еще раз подчеркиваем, что представленные рассуждения носят гипотетический характер и могут быть подвергнуты вероятностной оценке — особенно в свете реально наблюдаемой полисемии не только суффикса *-əl-*, но и других суффиксов в близкородственных языках. Окончательное решение вопроса, безусловно, невозможно без данных сравнительно-исторического языкознания.

Условные обозначения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

CAUS — каузатив

COM — комитатив

DA — датив/аккузатив

DAT — датив

DECL — утвердительное спряжение

DEM — указательное местоимение

DETR — детранзитив

DISC — дисконтинуатив

EL — элатив

EXT — наращение глагольной основы

FUT — будущее время

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMP — императив

IN — инэссив

INDEF — неопределенное местоимение

INS — инструменталис

INSTR — инструменталис

ITER — итератив

KALA — суффикс *-kala-*

LOC — локатив

NFUT — небудущее время

NPST — непрошедшее время
OBL — косвенная основа
PL — множественное число
POS — послелог
POSS — посессив
PRES — настоящее время
PRET — претерит
PRF — перфект
PST — прошедшее время
Q — вопросительная частица
RDP — редупликация
RETR — ретроспективный сдвиг
SEM — семельфактив

Литература

Вострикова Н.В. Типология средств выражения экспериментивного значения. Дисс... канд. филол. наук. Москва, 2010.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола, 1966.

Дьячков В.В., Стрыгина М.О. Семантические и синтаксические свойства показателей глагольной множественности в горномарийском языке. (в печати)

Кузнецова А.И. и др. (ред.) Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург, 2010.

Лыткин В.И. и др. (ред.) Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Рёдей К. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва, 1976.

Перевоицков П.Н. и др. Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. Savariae, Szombathely, 2002.

Сердобольская Н.В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том VIII, часть II.* Санкт-Петербург, 2012.

Серебрянников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1960.

ТИК 1989 — *Храковский В.С.* (ред.) Типология итеративных конструкций. Ленинград, 1989.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // ТИК 1989.

Храковский В.С. Типология семельфактива // *Черткова М.Ю.* (ред.) Типология вида: проблемы, поиски, решения. Москва, 1998, 485–489.

Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс... канд. филол. наук. Москва, 2005.

Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.

Henderson R. Structuring pluralities and dependencies in NL. Qualifying Exam, University of California at Santa Cruz, June 2010.

Lasersohn P. Plurality, Conjunction, and Events. Dordrecht, 1995.

MacDonald J.E. The syntax of inner aspect. Ph.D. Dissertation, 2006, Stony Brook University.

Müller A., Sanchez-Mendes L. The meaning of pluractionality in Karitiana. Proceedings of SULA. 2007, 4, 1–17.

Rothstein S. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements // *J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer* (eds.) Event Structures in Linguistic Form and Interpretation. 2008, 8, 175–198.

Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium. 2007, 217–222.

Ward K.S. A Micro-Typology of Pluractionality. Thesis, UCLA, 2012.

Wood E.J. The semantic typology of pluractionality. PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2007.

References

Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.

Dyachkov V.V., Strygina M.O. Semanticheskie i sintaksicheskie svoystva pokazatelei glagol'noi mnozhestvennosti v gornomariiskom yazyke. (in print) (In Russ.)

Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya Part II. Ioshkar-Ola, 1966. (In Russ.)

Henderson R. Structuring pluralities and dependencies in NL. Qualifying Exam, University of California at Santa Cruz, June 2010.

Khrakovskii V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya // TIK 1989. (In Russ.)

Khrakovskii V.S. Tipologiya semel'faktiva // *Chertkova M.Yu.* (red.). Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya. Moscow, 1998, 485–489. (In Russ.)

Kuznetsova A.I. et al. (eds.) Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka. Ekaterinburg, 2010. (In Russ.)

Laserson P. Plurality, Conjunction, and Events. Dordrecht, 1995.

Lytkin V.I. et al. (eds.) Komi-permyatskii yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya. Kudymkar, 1962. (In Russ.)

Lytkin V.I., Maitinskaya K.E., Rédei K. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Mariiskii, permskie i ugorskii yazyki. Moscow, 1976. (In Russ.)

MacDonald J.E. The syntax of inner aspect. Ph.D. Dissertation. 2006, Stony Brook University.

Müller A., Sanchez-Mendes L. The meaning of pluractionality in Karitiana. Proceedings of SULA. 2007, 4, 1–17.

Perevoshchikov P.N. et al. Grammatika sovremennogo ud-murtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. (In Russ.)

Rothstein S. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements // *J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer* (eds.) *Event Structures in Linguistic Form and Interpretation*. 2008, 8, 175–198.

Savatkova A.A. Gornoe narechie mariiskogo yazyka. Savariae, Szombathely, 2002. (In Russ.)

Serdobol'skaya N.V. Glagol'naya mnozhestvennost' i aspekt v besermyanskom dialekte udmurtskogo yazyka: mnozhestvennost' pokazatelei mnozhestvennosti // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. V. VIII, part II. Saint-Petersburg, 2012. (In Russ.)

Serebrennikov B.A. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp. Moscow, 1960. (In Russ.)

Shluinskii A.B. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Ph.D. Dissertation. Moscow, 2005. (In Russ.)

Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // *Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium*. 2007, 217–222.

ТИК 1989 — *Khrakovskii V.S.* (ed.) *Tipologiya iterativnykh konstruksii*. Leningrad, 1989. (In Russ.)

Vostrikova N.V. Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperientivnogo znacheniya. Ph.D. Dissertation. Moscow, 2010. (In Russ.)

Ward K.S. *A Micro-Typology of Pluractionality*. Thesis, UCLA, 2012.

Wood E.J. *The semantic typology of pluractionality*. PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2007.

Дьячков Вадим Викторович,
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dyachkov Vadim Viktorovich
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
hypocentaurus@mail.ru